

СЕРГЕЙ МАМОНТОВ

ПОХОДЫ И КОНИ

ФРОНТОВОЙ ДНЕВНИК

Простота стиля, потрясающие натурализмом подробности и эпизоды войны и фронтового быта и подкупающая искренность автора заставляют читать книгу на одном дыхании!

Фронтовой дневник (АСТ)

Сергей Мамонтов

Походы и кони

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мамонтов С. И.

Походы и кони / С. И. Мамонтов — «Издательство АСТ»,
2018 — (Фронтовой дневник (АСТ))

ISBN 978-5-17-107091-5

Сергей Иванович Мамонтов – участник Гражданской войны в 1917–1920 гг. на стороне Белого движения, конный артиллерист, закончивший войну поручиком в Галлиполи. Он оставил записки о войне под названием «Походы и кони». Впервые читатель имеет возможность познакомиться с воспоминаниями о драматических событиях Гражданской войны, основанными на дневниковых записях юнкера, прапорщика, а затем поручика, прошедшего страдальный путь офицера Добровольческой армии.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-107091-5

© Мамонтов С. И., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

До гражданской войны	6
Война	15
Москва	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Мамонтов

Походы и кони

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

*Все очень быстро забывается.
Мне же повезло – у меня сохранился дневник, и я остался жив.
Поэтому считаю своей обязанностью изобразить все, что видел.
Может быть, это пригодится будущему историку.*

С. Мамонтов

До гражданской войны

Военное училище. Первый урок верховой езды

Половина нашего отделения выстроена в “маленьком манеже” (он громадный) для первого урока верховой езды. Нас шестнадцать человек. Мы волнуемся, потому что думаем, что верховая езда – это главный предмет.

Перед нами прохаживается наш отделенный офицер – штабс-капитан Жагмен. В глубине манежа солдаты держат оружейных лошадей. Вначале обучение происходит на громадных и грубых упряжных лошадях, и это оказалось очень хорошо. После обучения на этих мастодонтах, строевые лошади были для нас игрушками.

– Кто умеет ездить верхом – три шага вперед – говорит Жагмен.

Некоторые юнкера из вольноопределяющихся, побывавшие уже в батареях, выступили вперед. Остальные из студентов. Я был уверен, что умею ездить, и, преодолевая застенчивость, шагнул вперед. Мне думалось, что нас поставят в пример другим и дадут шпоры, которые мы еще не имели права носить.

Но Жагмен взглянул на нас со скукой, повернулся к унтер-офицеру и сказал:

– Этим вы дадите худших лошадей и поставите в конце колонны. Их будет трудней всего переучить.

Все мое вдохновение слетело, и, шлепаясь на строевой рыси, без стремян, на грубейшем мастодонте, я понял, что ездить не умею.

Долгие месяцы обучение состояло в ненавистной строевой рыси без стремян. Нужно научиться держаться коленями и не отделяться от седла, придав корпусу гибкость. Вначале мы зло трепыхались в седле, все почки отобьешь, мучаясь сами и мучая лошадь. После езды ноги были колесом, и старшие юнкера трунили над нашей походкой.

Но постепенно мы привыкли и даже могли без стремян ездить облегченной рысью. Мы стали чувствовать себя “дома” в седле и мечтали о галопе и препятствиях. Но Жагмен упорно продолжал строевую рысь без стремян. Только позднее я оценил его превосходную систему.

Когда впервые он скомандовал: “Галопом ма-а-рш!” (исполнительная команда растягивается, чтобы лошадь имела время переменить аллюр), поднялся невообразимый кавардак. Только немногие всадники продолжали идти вдоль стены манежа. Большинство же юнкеров потеряли управление лошадьми и скакали во всех направлениях. Жагмен посреди манежа защищал свою жизнь, раздавая длинным бичом удары по лошадям и по юнкерам.

Я шел галопом вдоль стены, когда юнкер Венцель на громадном коне врезался перпендикулярно в моего коня и отбросил нас на стенку. Стукнувшись о стену, я снова попал в седло и был удивлен, что это столкновение не причинило никакого вреда ни мне, ни моей лошади. Вообще не припомню в нашем отделении несчастных случаев за все время обучения.

Конечно, вскоре мы научились не балдеть на галопе и спокойно брать барьер без стремян.

Было одно исключение. Юнкер Смирнов бледнел каждый раз, когда слышал команду: «Перемена направления на барьер. Ма-а-рш!». У барьера он неизменно бросал повод и обеими руками вцеплялся в луку. Конь прыгал, а Смирнов, раскинув руки и ноги, как самолет, летел над конем и зарывался лицом в песок манежа. Ни уговоры, ни наказания не могли его отучить хвататься за луку. Хоть мы его жалели, но с нетерпением ждали этого зрелища, потому что это было смешно. Для него верховая езда была мукой.

Мы любили вольтижировку. Лошадь гоняли на корде. На ней была подпруга с двумя рукоятками. Юнкера по очереди подбегали к лошади изнутри круга, хватались за рукоятки,

отталкивались от земли и садились на лошадь. Вновь спрыгивали, отталкивались и садились. Так несколько раз. Потом перепрыгивали через лошадь и, что трудней, извне снова садились на ее спину. И уступали место следующему юнкеру. Вначале ничего не получалось. Но стоило ловить темп – все делалось само собой одним галопом лошади.

Очень интересна была типология – наука сложения и болезней лошади. Приводили вороную лошадь, и лектор рисовал мелом на ней ее внутренности. Он начинал свои лекции (конечно, нарочно) с фразы:

– Лошадь делится на три неравные половины. Голова, туловище и ноги.

Тут мы кое-чему научились.

Наука была очень хорошо поставлена. Особенно блестящ был профессор артиллерии полковник Гельбих. С интересом мы слушали теорию вероятности.

В училище были две батареи и два курса. Старший, 9-й ускоренный курс, состоял из кадет и был очень дисциплинированный. Нашего, младшего, 10-го курса немного побаивались, потому что мы были студентами. Но мы оказались тоже дисциплинированы, и юнкера сумели во время революции сохранить порядок и всех офицеров, обуздать склонных к расхлябанности солдат и сохранить даже наши лагеря в Дудергофе. Не все училища показали такую спайку.

Цука* у нас почти не было, хоть мы относились с почтением к старшим юнкерам. Когда мы стали старшими, то я раз цукнул молодого юнкера, не уступившего места в трамвае раненому офицеру. Я был младшим фейерверкером с двумя лычками, то есть портупей-юнкером.

В каждой батарее было по 10 отделений по 32 человека, которые составляли по четыре взвода в батарее. Два старших и два младших. Всего юнкеров было 640 человек, 150 солдат и человек 35 офицеров.

Я попал во вторую батарею, в 8-е отделение, номер 258.

Строились обе батареи в белом зале – огромном и красивом помещении, выходившем на Забалканский проспект, сад выходил на Фонтанку.

Первая батарея шла размеренным шагом, мы же, вторая, семенили.

Позднее, чтобы “товарищи” не завладели зданием, мы, юнкера, спали в белом зале.

Кормили нас хорошо и прекрасно учили. Я сохранил самые теплые чувства к училищу.

Революция

Поступил я в Училище 21-го февраля 1917 года. 28-го февраля сидел я на подоконнике в белом зале и зубрил, с полным отчаянием, тезоименитства всего дома Романовых. Это должен был быть первый экзамен, и я боялся получить плохую отметку. Я даже точно не знал своих собственных именин, а семья Романовых была многочисленна, и дело казалось мне безнадежным. Запомнить все даты просто невыносимо. А получить хорошую отметку на первом экзамене было важно – ведь по ней будут судить остальные профессора.

Было часов 5 вечера. Вдруг по улице проехал какой-то странный грузовик... еще один, полный расхлябанными солдатами. Очень странно. Публика на тротуарах тоже на них смотрела. Подошел юнкер и вполголоса сказал, что в городе беспорядки. Через некоторое время другой сказал, что казаки вместо разгона братаются с демонстрантами. Потом появились на улице люди с красными бантами. Кое-где в городе стали слышны выстрелы.

Первое чувство было беспокойство. Неужели революция? О ней давно говорили, но все же она случилась неожиданно. Зубрить тезоименитства я уже не мог. Мелькнула мысль: если революция, то этого экзамена ведь не будет. Из-за этого я стал ожидать революцию. Как мелки и эгоистичны человеческие побуждения!

Мой сосед по кровати юнкер Радзиевич, грузин, оказался большевиком, но объяснить мне сущность большевизма не мог. Был дубоват. Как-то так случилось, что его послали пред-

ставлять Училище в Думе. Но он говорил совсем не то, что думали юнкера. Юнкера его выгнали из Училища.

На второй или третий день революции вооруженная и возбужденная толпа потребовала отпуска юнкеров. Помню трясущегося начальника Училища генерала Бутыркина, а я вышел со счастливой улыбкой, потому что получил неожиданный отпуск. Но моя улыбка и мой восторг вскоре исчезли. Революция хороша лишь в книгах, много позже, но не на улице, когда она происходит. Тут грабили, громили магазины, избивали все одного, совершенно неизвестно за что. На улицу вышли подонки, чернь и солдатня, потерявшие человеческий образ. Все искали, чем бы попользоваться, украсть, а то и просто ограбить. Народ, крестьяне, в революции не участвовали. И на каждом углу демагогические речи. Просто какой-то понос речей с бесстыднейшим враньем и подлой лестью. Грязь, вонь, глупость, злость и безграничное хамство. Все худшие чувства вылились потоком наружу, как только исчез с угла городской и появилась безнаказанность. Потом говорили, что революцию сделали наполовину социалисты, по глупости, и наполовину агенты центральных держав, с которыми мы были в войне. Немцам русская революция обошлась дорого. Но и союзники давали на нее деньги.

Мы стояли на углу улицы, когда окна над нами разлетелись. Толпа разбежалась, а мы, юнкера, ничего не понимая, продолжали стоять. Это была пулеметная очередь. Другие думали, что мы храбрецы, а мы были всего только дураками.

Я пошел к дяде Федору Николаевичу Мамонтову и провел у него на квартире три дня. Конечно, больше на улице, чтобы все видеть. Повидал я многое: убийства, грабежи, поджоги и хамство. Ничего красивого и героического не видел. В книгах, думается, все красивое придумано.

Вернулся я в Училище гораздо меньшим революционером, чем вышел из него три дня назад. Какая прекрасная вещь порядок. Его только начинаешь ценить, когда его нет. Все же эти три дня принесли мне немалую пользу – никакая пропаганда меня больше не прошибет. Я видел революцию воочию и во всей ее “красоте”.

Случилось так, что я никогда никому не присягал. Ни царю, ни Временному правительству, ни большевикам. Другим приходилось присягать всем трем. Я никогда не принадлежал к политической партии и не голосовал. Нет вещи гаже политики.

А не присягал я вот почему. В день присяги меня назначили караульным начальником к денежному ящику, в отдаленной части Училища. У меня были три юнкера часовых. Пришел адъютант начальника Училища, сказал пароль и велел увести часового.

– Мне надо тут работать, – сказал он.

Мы находились в соседней комнате. Я заметил, что прошло немало времени, а адъютант меня все не зовет. Пошел взглянуть и ахнул. Дверь канцелярии раскрыта, в комнате никого, и дверь денежного ящика распахнута.

Я взял двух часовых и поставил их в раскрытых дверях, запретив входить в комнату и впускать кого-нибудь. Сам же стремглав помчался к дежурному офицеру, моему прямому начальству, доложил и так же бегом к моим часовым. Я был обеспокоен: не пропали ли деньги или документы из денежного ящика. Вскоре явился адъютант и запер денежный ящик. Никакой истории, слава Богу, не было. А для присяги нас четырех просто забыли. А мы и не протестовали.

Генерал Мамонтов

Первым экзаменом была фортификация. Было важно получить хороший балл.

– Мамонтов... Мамонтов... Вы не родственник инспектору артиллерии генералу Мамонтову? – спросил меня капитан-экзаменатор.

Я знал, что не родственник, но генерал, да еще инспектор артиллерии мог оказать протекцию в Училище.¹

Так точно, господин капитан, – ответил я без запинки. Как он вам приходится? Двоюродным дядей, господин капитан. А где его старший сын?

Где он мог быть, сын генерала?

На фронте, господин капитан. А второй сын?

Капли пота выступили на моем лбу. Вдруг спросит, как их зовут. Что я отвечу?

– Тоже на фронте, господин капитан.

Пот все сильнее выступал на лбу. Я стоял “смирно” и отереть его не мог.

– А третий сын?

Господи, да сколько же их? Пот стал капать с носа.

– Не знаю, господин капитан.

Увидя капающий пот, капитан прекратил расспросы и приступил к экзамену.

Я получил 12 – высший балл.

На Пасху я получил отпуск на несколько дней в Москву. На Арбатской площади я услышал военную музыку. Хоронили кого-то на лафете орудия. Меня интересовало, как прикрепляется гроб к орудию. Ведь раз я стал артиллеристом, то и меня будут хоронить на лафете. Я прихвостился к идущим за гробом и помаленьку стал продвигаться вперед. Но рассмотреть было трудно, потому что гроб был завален венками. Вот уж я в первом ряду, рядом со вдовой. Нарочно роняю перчатку и, поднимая ее, стараюсь взглянуть снизу, на чем же стоит гроб? В это время ветер разворачивает ленту венка, и я читаю: Генералу Мамонтову. Не верю глазам. Мелькает мысль, не на свои ли похороны попал каким-то оккультным образом? Смотрю внимательно на вдову и на окружающих – никого не узнаю. Замедляю шаг и в задних рядах спрашиваю кого-то:

Скажите, пожалуйста, кого хоронят? Генерала Мамонтова, инспектора артиллерии из Гродно.

Тогда я вспомнил экзамен фортификации, зашел вперед и встал на тротуаре во фронт и отдал честь генералу, оказавшему мне невольную протекцию.

Неудавшийся переворот

Вскоре выяснилась полная бездарность министров Временного правительства. Они говорили речи и бездействовали. Далеко им было до прежних министров, которых они так ругали. Великая Россия поручила свою судьбу маленькому болтливому присяжному поверенному Керенскому. Разруха увеличивалась. На этом фоне ничтожеств вдруг появился генерал Корнилов, бежавший из плена. Все надежды обратились к нему. Его назначили начальником Петроградского военного округа.

13-го марта 1917 года я был дневальным и с пашкой на боку и в фуражке шел по бесконечным коридорам Училища. Мне навстречу шел офицер. Это не был офицер Училища. Он был в защитном полушубке и в серой папахе. Сердце мое дрогнуло – я узнал по фотографиям генерала Корнилова. Я встал во фронт.

– Вы в наряде, юнкер?

Так точно, Ваше Превосходительство! (А не “господин генерал”.) Скажите юнкерам уйти из оружейной каморы, мне она нужна.

Две комнаты с моделями орудий служили курительней и всегда были полны юнкерами. Мелькнула мысль: значит, он окончил наше Училище, раз знает об оружейной каморе. Я влетел туда вихрем.

¹ Инсп. Арт. – высшая должность артиллериста.

– Выходите все. Генерал Корнилов тут и хочет камору для себя.

Все расхохотались, приняв это за шутку.

– Не валяйте дурака. Он тут в коридоре, посмотрите сами.

Некоторые посмотрели и вышли, другие же продолжали гоготать. Но Корнилов вошел, и они вскочили в положении “смирно”.

– Останьтесь перед дверью и отгоняйте любопытных. Я жду офицеров.

Примчался начальник Училища генерал Бутыркин, застегивая мундир. Я хотел было ему рапортовать, но он отмахнулся и повторил приказание Корнилова. Офицеры стали прибывать один за другим. Генералы и полковники. Было их человек 25–30. Было ясно, что в нашей каморе происходит какое-то важное совещание. Там даже стульев не было, сидеть можно было на лафетах и на подоконниках. Совещание длилось минут двадцать, затем так же разошлись по одному, по два. Вышел и Корнилов, не обратив на меня внимания. Я заглянул в камору, она была пуста.

На следующий день, 14-го марта 1917 года, с утра, старший курс запряг обе наши батареи, мы же, 10-й курс, шли пешком в строю. Все вышли на улицу. В то время дефилировать по городу было модно, и это никого не удивило.

Но проходя мимо Владимирского пехотного училища, мы увидели, что юнкера с винтовками на плечах вышли из Училища и пошли за нами. А когда мы подходили к Павловскому пехотному училищу, то увидели все Училище, построенное уже на улице. Оно дождалось нашего прихода и тотчас же двинулось дальше. Тут мы наострили уши – это неспроста. Образовалась очень внушительная колонна из трех Училищ: Павловское, наше и Владимирское. Мы вышли на обширную Дворцовую площадь перед Зимним дворцом. Тут уже были выстроены несколько юнкерских Училищ. Мы пристроились. Все новые колонны юнкеров подходили и выстраивались. Под конец тут были собраны все военные училища Петрограда и окрестностей. Во всех Училищах были знакомые, и мы вскоре узнали, что все вооружены и с патронами. По нашим расчетам нас было 14 000 человек, лучших в то время войск в России: дисциплинированных, молодых, храбрых и не рассуждающих. Корнилову удалось собрать такую силу в центр города, и собрать тайно ото всех. Сомнений не было: будет переворот. Мы были в восторге. В Петрограде нет силы, способной оказать нам сопротивление. Полки потеряли дисциплину, порядок и офицеров, а многие, вероятно, к нам присоединятся.

Мы были настроены воинственно.

Но драгоценное время шло, а Корнилов все не являлся.

Преимущество неожиданности терялось. Красные успели принять меры, а мы изнывали от бездействия. Пыл наш падал.

Как мы потом узнали, против нас в Зимнем дворце Керенский уговаривал Корнилова ничего не делать и... уговорил. Единственным, кто показал нерешительность, оказался сам Корнилов. Такой благоприятный момент был им непростительно упущен.

Наконец Корнилов показался на балконе Зимнего дворца. Мы встрепенулись. Он пропустил нас как на смотру и вместо приказа действовать, заговорил...

Речи мы не слушали, всем уже осточертели речи.

Нас разрозненными колоннами провели по городу для демонстрации. (Разрозненными, чтобы легче с нами справиться, если мы чего устроим.)

Шли мы плохо, хотелось есть, рыхлый снег промочил ноги, а главное, было досадное чувство провороненного переворота. Воинственности больше не было. Поздно вечером вернулись в Училище голодные, мокрые и злые.

* * *

Корнилова, конечно, удалили из Петрограда. Юнкерские училища взяли под красный надзор, чтобы они не могли больше собраться воедино. Когда в сентябре Корнилов двинул против Петрограда конный корпус генерала Крымова, было уже поздно. Казаки замитинговали, а училища не могли прийти на помощь, да и состав юнкеров был уже не тот. Генерал Крымов застрелился. Корнилов был арестован в Быхове. Он бежал на юг, организовал и возглавил Белое Движение на Дону. Он был хорошим генералом и организатором. Корнилов был убит под Екатеринодаром. Зная его, непонятно, как мог он проявить слабость 14-го марта 1917 года.

В большом манеже

Старший курс, 9-й, пошел в лагерь в Дудергоф, чтобы не дать “товарищам” занять их. Нас, 10-й, перевели из малого в большой манеж для верховой езды. Тут мы получили хорошо выезженных строевых лошадей, седла со стремянами, оголовье с трензелем и мундштуком (в малом были только трензели).

Должен сказать, что я так привык в малом манеже ездить без стремян, что они мне были не нужны и мешали крепко сидеть в седле. Сколько раз Жагмен мне кричал:

– Юнкер, возьмите стремяна!

Только тогда я замечал, что стремяна где-то болтаются. Очевидно, что тогда я ездил прилично, потому что Жагмен поместил юнкера Нарейко во главе колонны, а меня замыкающим. Нарейко был природным кавалеристом. Он шел первым, и вся колонна равнялась по нему. После поворота я оказывался во главе колонны на несколько минут.

Манеж был громадный, с очень сильным резонансом, и случалось, что, находясь в конце колонны, я не мог разобрать слова команды. Тогда я предоставлял моей лошади исполнять движение вместо меня. Лошади прекрасно знали команды и обладали тонким слухом и, если им не мешать, выполняли движения куда лучше юнкеров.

Если я многому научился в малом манеже на грубейших лошадях без стремян, то я сделал очень мало успехов в большом манеже на прекрасно выезженных строевых лошадях, которые могли делать все сами и лучше меня. На самом деле, чтобы заставить грубейшую упряжную лошадь переменить ногу на галопе или заставить ее взять барьер без шпор и стремян, нужно было уметь. А строевые лошади делали все сами и иногда поправляли ошибку юнкера. Что же было трудного на них ездить?

Как я был удивлен и обрадован, когда я оказался одним из трех юнкеров, вызванных перед фронтом и получивших шпоры. Другие не имели еще права их носить. Я был очень горд, юнкера мне завидовали.

Конечно, у меня был один секрет. Никогда я не выбирал коня, а брал того, который был передо мной. Даже я старался менять лошадей. Если юнкер жаловался на свою лошадь, я предлагал ему меняться конями.

Благодаря этому мне пришлось ездить на всяких лошадях. Были и спокойные, тряские, злые, становящиеся на дыбы, бьющие задом, даже ложащиеся. Были закидывающиеся, дающие козла, кусающие коленку и с больными почками. Я приучился внимательно следить за лошадью и распознавать ее характер, достоинства и недостатки и обращаться с ней соответственно. У меня накопился опыт, больший, чем у юнкеров, которые всегда старались заполучить ту лошадь, которую они считали хорошей.

Я упомянул лошадей с больными почками. Их порядочно. Первый раз в большом манеже мы получили незнакомых нам лошадей. Нарейко, прекрасный наездник, был в голове колонны

на Жемчуге. После команды: “Справа по одному!”, Нарейко тронул Жемчуга шпорой. Жемчуг нагнул голову, дал два козла и ударил задом. Не ожидавший этого Нарейко кубарем вылетел через голову Жемчуга и сделал еще кульбит в песке. Солдаты-конюхи загоготали. Оказалось, что у Жемчуга больные почки и он не выносит прикосновения шпор. С каждым новым, впервые садящимся на Жемчуга, случалось то же самое. Нарейко тотчас же вскочил и сел на Жемчуга. Он всегда на нем ездил и говорил мне, что никогда не пользуется шпорами и даже не откидывается в седле. В остальном Жемчуг был красавцем.

Экзамен

Постоянная перемена лошадей дала мне опыт, но иногда преподносила неприятные сюрпризы. Приближался экзамен верховой езды. Юнкера волновались: какая им достанется лошадь? Они подкупали солдат-конюхов, менялись местами в строю и удивлялись моему безразличию.

В день экзамена в большом манеже присутствовали начальник Училища генерал Бутыркин, командир батареи полковник Ключарев и еще офицеры. Мы стояли строем, против нас солдаты держали лошадей.

– По коням.

Мы пошли к лошадям, и каждый взял лошадь, которая находилась перед ним. Солдат, державший мою, шепнул:

– Осторожно, она...

Он не успел договорить. Раздалась команда:

– Смирно!

Мы замерли, солдаты исчезли.

– Садись!

Я был заинтригован недоконченным предупреждением солдата. Привычным жестом огладил почки – никакой реакции. Тронул кобылу шпорой – тоже ничего.

– Справа по одному на две лошади дистанции...

Мы двинулись. Я был начеку и ожидал от моей кобылы какой-то пакости. Но подвергнув ее всяким манипуляциям, я убедился, что она очень хорошая, спокойная лошадь. Все шло лучшим образом, и я успокоился. Может, солдат хотел надо мной подшутить, напугать? В конце экзамена мы должны были брать барьер. По команде моя кобыла без моего участия, а сама собой, пошла галопом с левой ноги, как полагалось. Я был последним в колонне и решил блеснуть. Офицеры смотрели на препятствие, повернув мне спину. Я попридержал кобылу, увеличил дистанцию между мной и предпоследним всадником и потом пустил ее хорошим полевым галопом, рассчитывая, что у препятствия я буду на нужной дистанции. Как полагалось, я принял положение “смирно”, повернув голову на начальника Училища, но скосив один глаз на препятствие.

Тут-то оно и случилось, о чем хотел меня предупредить солдат.

Моя кобыла закинулась. То есть вместо прыжка, она уперлась всеми четырьмя ногами в землю, опустила голову и пыталась вильнуть вправо. Я с ужасом почувствовал, что отделяюсь от седла. С отчаянием я вонзил шпоры. Шпоры и хороший ход заставили кобылу прыгнуть. Но мы взяли барьер раздельно друг от друга. Я летел над кобылой, но в положении “смирно”. Случаю было угодно, чтобы на другой стороне препятствия я упал на наклоненную шею лошади. Могучим движением шеи она отбросила меня опять в седло. За все время происшествия я не двинулся, оставаясь все время в положении “смирно”.

Юнкера были впереди меня и не видели моего позора, но офицеры!..

Я был в отчаянии, считая, что провалился на экзамене.

Каково же было мое изумление, когда читали баллы, и я услышал, что получил 12 – высший балл – и произведен в младшие портупей-юнкера.

Я пошел к Жагмену, которого мы искренне любили, и спросил, не ошибка ли это? Он же видел, что со мной случилось.

– Нет, это не ошибка. Вам дали 12 за то, что вы дали вашей лошади шпоры и заставили ее прыгнуть. За то, что не выпустили поводьев из рук, и за то, что в конце концов все же остались в седле... Лошадь может закинуться у любого всадника. А Даная, ваша кобыла, известна в Училище своими закидками, и редко юнкеру удавалось заставить ее прыгнуть, да еще на экзамене.

Хотя по возрасту я был младшим в моем отделении, меня назначили старшим, то есть я командовал отделением. А в нем был старший портупей-юнкер Назаров, командовавший всем нашим взводом (тремя отделениями).

Многие мне завидовали. Кажется, один Назаров, тоже москвич, мне не завидовал.

Дудергоф

В лагерях, в Дудергофе, было очень хорошо. Наши казармы были очень благоустроены. Юнкера спали на нарах, а у меня, как портупея, была кровать. Всюду были газоны “ цветы. Внизу наш участок выходил на озеро, были парусные лодки. Перед лагерем был наш орудейный парк и дальше – громадное поле-полигон.

Соседние лагеря других училищ были заняты солдатами (самовольно). Наш старший курс сумел отстоять наш лагерь, за что ему честь и слава. Столкновений с солдатами не помню. Наша дисциплина им импонировала.

Занятий у нас было много, и у юнкеров было постоянное чувство голода. И вот как-то меня назначили дежурным по кухне. Вот, думаю, налопаюсь. Но к моему разочарованию, я не мог съесть второй котлеты. Пища была хорошо рассчитана, и организм так к ней привык, что не принимал излишка.

* * *

Во время стрельбы меня и двух других юнкеров послали верхами перекрыть движение по дороге. Наш разъезд повстречал барышень, и завязался флирт. Один из юнкеров наклонился с седла. Но в это самое время грохнула неподалеку пушка. Лошадь шарахнулась, барышня вскрикнула, а юнкер сверзился к ногам барышни. Лошадь же умчалась в конюшню. Бедному юнкеру, кроме конфуза, пришлось идти 12 верст пешком и стараться не попасться на глаза начальству. Любопытно, что никто из нас не подумал поймать его лошадь или посадить его на круп и донести до лагеря. Опыт приходит с годами.

Смотровая езда

В лагерях настал день смотровой езды батареями. Запрягли обе наши батареи и мортирный взвод. Ездовыми и номерами были юнкера. Назаров был назначен фейерверкером мортиры, а я фейерверкером его ящика. Мы оба были верхом. Это был экзамен, на который собралось много начальства. Были новый начальник Петроградского военного округа, генералы, полковники и наши офицеры.

Нас заставили проделать разные перестроения на разных аллеях. Одним из самых трудных перестроений является поворот развернутого фронта батарей. Чтобы сохранить равнение при повороте, не изломать линию фронта, первое орудие двигается едва, второе немного скорей, каждое следующее все ускоряет движение и наконец последнее мчится карьером.

Все движения и перестроения удались нам неплохо, и смотровая езда сошла бы великолепно, если бы не произошел досадный случай.

А произошел он со мной. Вот что случилось. Мы шли крупной рысью мимо начальства и, не задерживаясь, переходили через окопы. При этом орудие (мортира), за которым я следовал со своим ящиком, сильно ударило о край окопа, и кожаный футляр, покрывающий дуло орудия, упал на землю.

Начальство, в ста шагах справа, могло видеть потерю футляра.

Я молниеносно стал соображать, что мне делать: поднять футляр или сделать вид, что я не видел, и поднять после маневров? Назаров был впереди и падения футляра не видел. Поднять его мог только я, потому что был верхом. После секундного колебания я завопил ездовым: “Следовать за орудием!”, что они, конечно, сделали бы и без моей команды.

Сам же завернул коня, соскочил и поднял футляр.

Я хотел снова сесть, но мой конь, видя уходящую рысью батарею, наострил уши, заржал и стал крутиться как бес, не давая мне сесть в седло. Весь генералитет смотрел на меня. Тогда я решил блеснуть и сесть с маху. Это эффектный, но простой способ посадки, прыжком. Делается это так: левая рука держит поводья и гриву коня, становишься спиной к его голове, отталкиваешься левой ногой, закидываешь правую ногу и руку, виснешь на левой и оказываешься в седле. Это я мастерски проделывал в манеже. Но на этот раз мах мне не удался, потому что мой проклятый конь вертелся. Я очутился животом на седле, ноги с одной стороны, корпус с другой. Удерживать коня я уже не мог, и эта бестия помчалась галопом за уходящей батареей, причем лихо прыгая через окопы. А я на седле отчаянно боролся с равновесием, чувствуя с ужасом, что сейчас свалюсь. В таком непрезентабельном виде я пронесся мимо начальства, и наконец мне удалось закинуть ногу и сесть в седло как следует. Я встал на свое место фейерверкера.

После маневров я пошел опять к Жагмену.

– Господин капитан, правильно ли я сделал, что поднял футляр?

Жагмен не сразу ответил.

– Мнения по этому вопросу разделились... Но судя по тому, что стоит в уставе, вы ответственны за материальную часть, то есть должны были поднять.

Он опять замолчал.

– Конечно, было бы лучше, если бы вы корректно сели в седло... Но хорошо и то, что вы не упали... Ха-ха, – вдруг засмеялся он. – Это было смешно. Даже держали пари: упадет, не упадет? Я тоже держал и выиграл.

– Спасибо за ваше доверие, господин капитан, но вы были очень близки к проигрышу.

– Я знаю, я же видел.

В училище был один недостаток в обучении. Нас не учили практически ухаживать за лошадьми: кормить, поить, чистить, водить. Это делали солдаты. Нас учили седлать и ездить. А как ухаживать, мы знали только из книг, и это недостаточно.

Война

В Москву

15 августа 1917 года я был произведен в прапорщики – первый офицерский чин во время войны. Было жаль расставаться с Константиновским артиллерийским училищем, с которым я сжился и о котором у меня остались лучшие воспоминания.

Но новая форма, погоны, шашка, револьвер, шпоры, снаряжение страшно мне нравились и мне не терпелось показать все это в Москве.

Кончил я Училище хорошо и выбирал вакансии двадцать пятым. Мог бы выбрать даже конную артиллерию. Но, как обещал матери, я выбрал Запасную артиллерийскую бригаду в Москве. Мой принцип: “От службы не отказывайся, на службу не напрашивайся”.

В этот же вечер я выехал поездом в Москву и часть ночи провел, любуясь своим отражением в форме в темном окне вагона. Мне было 19 лет.

Служба в Москве

После короткого отпуска 5-го сентября я явился в Запасную артиллерийскую бригаду в Москве, на Ходынке. Я был назначен в 1-й взвод 2-й батареи. Взводным командиром оказался наш бывший старший нашего отделения 9-го курса в Училище.

Я был очень неприятно поражен беспорядком в бригаде. Солдат были тысячи. Вид у них был расхлябанный. Очевидно, их больше на фронт не посылали и ничему не учили. В одной нашей батарее были 56 офицеров. Это вместо 5 офицеров и 120 солдат по штату. Все мне здесь было непонятно и враждебно.

Взводный, вместо того чтобы разъяснить мне обстановку, сказал:

– Рад вас иметь в моем взводе. Вот расписание занятий.

Перепишите внимательно. Начнем занятия завтра в 7 часов. А сегодня идите домой.

Я пошел в офицерское собрание, где встретил много знакомых.

* * *

На другой день я вышел из дому очень рано, чтобы прибыть в казармы вовремя. Я приехал за несколько минут до семи часов. Но в казармах все еще спало. Иногда заспанный солдат выходил на улицу мочиться. Было уже больше семи часов.

Может быть, я ошибся местом?

Я пошел к баракам солдат, но и там никакого движения. Вернулся в бюро. Солдат мел лестницу.

Где же все офицеры? – спросил я его. Они так рано не приходят.

Странно. Что же мне делать? Ждать? Но командир взвода сказал хорошо переписать расписание занятий, а в Училище меня учили проявлять инициативу. Я подумал, что должен сделать переключку, раз я тут. Другие офицеры подойдут. В конце концов я же офицер и должен решать сам, а не ждать, что кто-то решит за меня.

Я пошел к бараку солдат. Я был одет официально, при шашке и револьвере, в шинели с ремешками через плечи.

– Позови мне взводного унтер-офицера, – сказал я одному солдату.

Взводный явился неторопливо, неряшливо одетый.

Это бараки 1-го взвода 2-й батареи?

– Да. Вы взводный?

– Да. Застегните рубашку, подтяните ремень.

Он оправился. Отдайте честь по уставу.

Он отдал. Вы делали перекличку?

– Нет. Почему? Солдаты спят еще.

После училища мне было дико это слышать.

Что?! Выведите их немедленно.

Он пошел по бараку крича: На перекличку, выходите все.

Никто не тронулся. Солдаты лежали на двухэтажных нарах, смотрели на меня с любопытством, но не двигались. Взводный вернулся.

Они не хотят.

Я побледнел. Все унтер-офицеры сюда. Поднимите солдат.

Я встал в широко распахнутых воротах барака. Барак был длинный и там были вторые ворота. Дневальный принялся мести около меня. Унтер-офицеры бегали крича, но мне казалось, что повернув мне спину, они корчили гримасы, потому что, глядя на них, солдаты смеялись.

«Что же я буду делать?» – спросил я себя.

Один солдат, лежа на верхней полке прямо против меня, усмехнулся, глядя на меня:

– Этот еще молодой. Он думает, что мы его послушаемся...

Он не договорил, так как кровь ударила мне в голову. Я вырвал метлу у дневального и со всего размаха смазал метлой его по физиономии. Затем в бешенстве я пошел по бараку, раздавая удары метлой направо и налево.

Эффект был поразительный. Солдаты как по команде скатились с нар и, на ходу натягивая сапоги и штаны, побежали строиться.

Весь дрожая от возбуждения, я за ними последовал. Унтер-офицеры, уже подтянутые и без гримас, командовали.

Двери других барачных помещений распахивались, и все новые потоки солдат бежали строиться. Им не было конца. Все время прибывали новые. Когда наконец все были выстроены, я находился перед громадным фронтом, вероятно, до двух тысяч человек. Была ли это батарея или вся бригада, я не знал. Их было слишком много для меня одного.

Взводный скомандовал: «Батарея, смирно!» и подошел ко мне с рапортом. На этот раз он показал воинскую выправку.

– Делайте перекличку.

Перекличка шла, вероятно, с пятого на десятое, я проверить, конечно, не мог. Перекличка окончилась. Я достал из-за рукава расписание занятий. Было время занятий при орудиях.

– Взводный, ведите наш взвод к орудиям.

Колонна прошла передо мной. Я молча и строго осматривал людей и за ними последовал. Люди образовали группы вокруг орудий. Унтеры объясняли части. Я ходил взад и вперед, останавливаясь, чтобы послушать.

Меня удивляло, что ни один из пятидесяти шести офицеров не появляется, хотя было уже восемь часов с лишком.

Прибежал солдат.

Господин прапорщик, командир взвода вас требует. Сейчас иду. Взводный, продолжайте занятия. (Вероятно, все пошло на митинг, как только я исчез за углом.)

* * *

– Что вы сделали?! – сказал взводный командир.

Я не понял, о чем он говорит, и вытащил бумажку расписания.

– Занятия при орудиях от 8 до 9...

Да нет, я не об этом. Вы побили солдата! Ах да. Но это не имеет значения, потому что он это заслужил... Впрочем, мне кажется, что я побил нескольких. Тише, ради Бога, не говорите так громко... Идите к командиру батареи.

Капитан впустил меня в свой кабинет, уснул писаря, сам закрыл дверь и повернулся ко мне.

– Что вы наделали, прапорщик?

В чем дело, господин капитан? Вы ударили солдата. Так точно, господин капитан. Что мне было делать, когда он надо мной насмеялся? Все же не бить его. Да, я знаю. Я должен был применить оружие, но... Молчите, молчите... Нас могут услышать... Идите к командиру бригады. Хм... Хм... прапорщик, что с вами случилось, что вы побили солдата?

Слезы выступили у меня на глазах.

Господин полковник, что я сделал преступного? Я поступил, как каждый офицер поступил бы на моем месте, если солдат над ним насмеяется. Хм... Хм... Да, конечно... Нет, конечно, вы не правы. Времена переменялись. Не понимаете вы, что у нас революция и нужно обращаться осторожно с солдатами. Господин полковник, уверяю вас, что это им пошло на пользу. Вы бы посмотрели, как они побежали строиться и вдруг стали опять солдатами. Если бы все офицеры проявили бы твердость, то армия была бы спасена. Замолчите, замолчите... Хм... конечно... Не возвращайтесь в батарею. Идите в собрание, я пришлю адъютанта через несколько минут.

В собрании я подсел к столу, за которым было много знакомых. Но все замолчали и один за другим разошлись. Я остался один, кругом пустота. Даже соседние столики опустели. Я понял, что происшествие уже известно и мне бояться подать руку, бояться солдат.

Адъютант вошел и протянул мне бумажку. Это был приказ отправляться на фронт.

– Полковник освобождает вас от прощального визита ему и командиру батареи. А я вам советую поскорей уехать отсюда. Солдаты могут вас убить. Не идите на трамвайную остановку, возьмите другое направление. Желаю успеха.

Можно сказать, что служба моя в Москве была недолгой.

* * *

Я думаю, что подлость и трусость начальства были причиной разложения армии. Солдаты, как дети. Если их распустить, они становятся невыносимы, а потом опасны. Трудно опять взять их в руки. После запасной бригады мне понятно, почему в Октябре против большевиков выступило так мало офицеров. Большинство струсило и старалось спрятаться. Как будто можно было спрятаться! Ну попали в тюрьмы и лагеря. И сами виноваты.

На фронт

Меня назначили на Юго-Западный фронт. Штаб фронта находился в Житомире, отсюда меня послали в штаб армии в Бердичев и потом в штаб 12-го корпуса в Проскуров. Всюду я просил меня назначить в 64-ю артиллерийскую легкую бригаду, потому что она работала с 64-й пехотной дивизией, где служил брат в Перекопском полку. Через Казатин я доехал до Жме-

ринки. Но тут поезда почему-то не шли, и комендант предложил мне ехать на подводе, за что я и ухватился с радостью. Таким образом я видел новые места и ночевал в чисто еврейском местечке, где меня угостили «рыбой-фиш» (фаршированная щука, вкусно). Наконец я подъехал к большому селу Пятничаны, где находился штаб 64-й дивизии и бригады (артиллерийской). Меня назначили во 2-ю батарею. В штабе дивизии меня ждал денщик брата и отвез меня в Бурту, маленькую деревушку, где стояли 1-я и 2-я батареи и помещался командир дивизиона (3-х батарей). Подъезжая к Бурте, я все спрашивал денщика, где фронт?

– Да вот, – тыкал он в пространство.

Далеко? Зачем? Сейчас, за этим бугром. Почему не слышно выстрелов? Так днем не стреляют, только ночью. А где полк брата расположен? Да ось в этой деревне по-над рекой. (Река Збруч, старая граница.) Я представлюсь командиру и потом приду к брату, скажи ему.

– Лучше идти по шоссе. Напрямик ближе, но австрийцы даже по одиночному человеку стреляют из артиллерии.

Я представился командиру батареи, капитану Коленковскому, был радушно принят офицерами и поместился вместе с ними в одной хате.

Крещение огнем

Мне не терпелось навестить брата, увидеть окопы, нашу пехоту, проволоку и, конечно, противника. Я отпросился у Коленковского.

– Будьте осторожны. Идите по шоссе, это небольшой крюк, но по шоссе редко стреляют. Было бы глупо быть раненым сейчас же по приезде.

Я, конечно, пошел напрямик через поле. Деревня была видна верстах в двух. Посреди поля было небольшое кладбище с деревьями. Я должен был пройти мимо, но до него было еще далеко. Вдруг что-то зашипело в воздухе, вблизи кладбища взорвалась австрийская граната. Я не слышал выстрела. Первый снаряд!

Должно быть, дальнобойная сто пять миллиметров, подумал я как специалист.

Еще одна граната лопнула в самом кладбище, и один крест полетел в воздух.

– Стреляют зря, снарядов много.

Стрельба прекратилась. Я было подумал обогнуть кладбище, но успокоился и пошел мимо.

Тут-то оно и началось.

Австрийцы просто пристрелялись и ждали, пока я подойду к пристрелянному месту. Лопнули одна, две, три гранаты шагах в шестидесяти, и вдруг одна шлепнулась у самых моих ног, ушла глубоко в землю и появился всего лишь дымок.

«Камуфлет, слава Богу», – мелькнуло у меня в голове, и я с запозданием упал на колени. Откуда-то появились два солдата. Я вскочил и подбежал к ним.

– Как вам повезло. У самых ног и не разорвался.

Австрийцы почему-то больше не стреляли.

Испугался я по-настоящему только вечером, когда сообразил, что вел себя глупо. Сам накликал огонь австрийцев. Но мне чертовски повезло, все кончилось благополучно, и я был горд, что обстрелян. Камуфлетом называется снаряд, летящий издалека и зарывающийся глубоко в землю, так как падает почти вертикально. Взрыв не имеет силы поднять землю, и появляется лишь дымок. Камуфлеты случаются редко, так что мне действительно повезло.

Окопы

В деревне я нашел брата. Он меня еще не видел в форме. Потери в пехоте были большие. В батальоне было всего два офицера: командир батальона и брат. Это вместо двадцати двух

офицеров по уставу. А в это время в Москве сидело пятьдесят шесть бездельников в одной батарее.

Я непременно хотел пройти по окопам. Брат ни за что этого не хотел. Но командир батальона, видя мое молодое рвение, решил пройти со мной и показать окопы противника.

– Будь осторожен, – просил брат, – нагибайся и не высовывайся.

Позиция была твердая. Прекрасные, глубокие окопы с ходами сообщения. Много проволоки, река Збруч, и на той стороне австрийская проволока и их окопы. В одном месте мы остановились, и командир батальона мне что-то показывал через амбразуру в навесе, имевшую, вероятно, размер 20 на 20 сантиметров. Он отклонил голову, и в это самое время в амбразуру цыкнула пуля и вонзилась в столб, поддерживающий навес.

– Ого, – сказал он просто. – Хорошо стреляют. На девятьсот шагов всадить пулю в такую маленькую дыру! У них прекрасные ружья Манлихера с оптическим прицелом и, вероятно, станком.

Ни слова о том, что он только что избег смерти. Ход сообщения шел зигзагами.

– Проходите побыстрее этот отрезок. Его обстреливают вон оттуда. В следующем можете задержаться.

Нам навстречу шел солдат, несший раненого в грудь и окровавленного солдата. Раненый был очень бледен. Пришлось прижаться к стенке, чтобы пропустить. Сознаюсь, мне стало тошно и захотелось домой.

Впервые мелькнула мысль, что тут и убить могут.

Обстрел батареи

На фронте положение было много лучше тыла. Здесь еще была дисциплина, офицеров уважали. Приказы выполняли. При мне было только два небольших боя. Офицеры брали меня с собой, чтобы научить и показать, как что делается. Раз мы были с поручиком Воиновым на батарее и вели редкий огонь. На наблюдательном пункте находился капитан Коленковский. Приказания передавались нам по телефону. Появился австрийский самолет. Воинов с большим неудовольствием сделал еще два выстрела. То, чего он опасался, и случилось. Самолет стал крутиться над нами, и прилетел тяжелый снаряд. Другой. Ясно, самолет корректировал стрельбу. Воинов приказал солдатам разойтись с батареи. Вдруг настал ад. Три тяжелые австрийские батареи стреляли ураганным огнем в течение 20 минут. Потом перерыв. Воинов не позволил солдатам идти на батарею. Он был прав, еще два раза по пять минут длился обстрел, с расчетом, что люди сбегутся смотреть. Потом все смолкло.

– Теперь можно идти. С немцами то хорошо, что все у них делается по правилам. Теперь они больше стрелять не будут и не стреляют вбок, где толпятся любопытные. Мы бы стреляли без правил и, наверное, нанесли бы поражения, а у нас по немецким правилам поражений нет.

Батарея выглядела ужасно. Все перерыто кругом. Три орудия получили прямые попадания, одна пушка перевернута. Один ствол был как отрезан, у другой исковеркан лафет, у третьей колесо. Бомба попала в склад снарядов, но они не детонировали, как бы им полагалось, а их разбросало как кегли.

Меня очень удивило, когда после осмотра Воинов доложил по телефону Коленковскому, что повреждения незначительны. Тут же привели все в порядок. Из трех попорченных орудий составили одно годное, а семиорудийную батарею перевезли ночью на заранее выбранную позицию. Батареи были восьмиорудийные, что было много удобней.

Бой

При перемене позиции батареи нужно было ее пристрелять по различным целям. Этим занялся Коленковский и брал меня с собой, чтобы научить. У батареи было три наблюдательных пункта во второй линии окопов. Мы следили за тем, чтобы австрийцы их не обнаружили. Ходили только по окопу и никогда днем в этом месте из окопа не показывались. Там были две землянки: малая для офицеров и большая для телефонистов. Обыкновенно офицеры дежурили на наблюдательном пункте посуточно. Мы пошли на наш главный наблюдательный пункт против излучины реки, где окопы ее пересекали. Были две великолепные цейсовские трубы. Коленковский пользовался одной, я смотрел в другую.

Он пристрелял несколько целей, которые под номерами записывались на батарее. Так что достаточно было приказать на батарею: «Цель номер такой-то. Огонь!», и цель обстреливалась даже ночью.

Перед самой темнотой Коленковский вдруг вспомнил, что не пристрелял перешеек. Он выпустил несколько шрапнелей и скомандовал «отбой».

Ночевали мы в блиндаже.

За час до рассвета вдруг все австрийские батареи заговорили разом. В телефон все орали – никакого толку добиться было нельзя. Наконец пехота нам сообщила, что немцы вышли из окопов на перешейке.

Немцы?! – удивился Коленковский. – Хорошо, что мы вчера пристреляли перешеек. – И он приказал вести редкий огонь по перешейку. Почему редкий? – волновался я. Темно же, ничего не видно. А стрелять в белый свет не рекомендуется. Я стреляю только, чтобы поддержать мораль наших в окопах. А вспышки выстрелов не выдадут положение батареи? – я хотел все знать. Нет. Вся австрийская артиллерия стреляет и невозможно отличить вспышки от разрывов.

Противник стрелял по окопам и по резервам. Ни наблюдательного пункта, ни батареи он не обнаружил. Так что мы могли стрелять спокойно.

Спокойствие Коленковского передалось и мне, и солдатам-телефонистам. А кругом царил паника. Наконец стало светать. Коленковский припал к трубе.

Действительно немцы. Вы их видите?

Я таращил глаза, но ничего не видел. Ну как же, на перешейке. Хорошо идут, не стреляют. Я все же не видел. Вот, на фоне низкого разрыва две фигуры. Ах, вижу.

Стало светлей и я ясно их видел.

Коленковский стал стрелять беглым огнем и низкими разрывами шрапнелей.

– А, начинают стрелять, значит, волнуются.

Он приказал стрелять комбинированным огнем шрапнели и гранат.

– Хоть шрапнель дает большую поражаемость, но граната действует на нервы, – пояснил он.

Действительно, немцы легли. Вторая цепь вышла из окопов и первая поднялась было, но, встреченная беглым огнем, замялась вновь, залегла и потом отошла в окопы.

– Вот и все, – сказал Коленковский.

Конечно, еще с час заливались пулеметы, ухала артиллерия, неистовствовал телефон, но бой был окончен.

Наша пехота не выдержала огня австрийских батарей и покинула окопы. Остались в окопах только офицеры и команды разведчиков. Мимо нас проходили раненые и нераненые. Это был единственный и небольшой бой, который я пережил на фронте.

В один прекрасный день австрийская дальнобойная батарея обстреляла Бурту новыми снарядами двойного действия. Снаряды эти никуда не годились. Шрапнель задерживалась гро-

мадной головкой-гранатой и не имела поражающей силы, а головка-граната летела кувырком и не взрывалась. Меня назначили адъютантом командира дивизиона, довольно придирчивого полковника. Но он уехал в штаб заменять ушедшего в отпуск командира бригады генерала Невадовского. Так что я жил один в хате и изнывал от безделья. Ходил по-прежнему дежурить на наблюдательный пункт 2-й батареи.

Я сделал глупость: поднял неразорвавшуюся головку австрийского снаряда и поставил на стол, хоть знал, что это опасно. Пришел молодой офицер из 1-й батареи и стал вертеть головку.

– Оставьте ее, это очень опасно.

– А, боитесь?

И этот недоумок стал колотить по гранате чем-то.

Вижу, что дурак. Чем-то отвлек его внимание. Он ушел, а я разделся и хотел лечь, когда вспомнил гранату. Надо ее немедленно унести, а то такой дурак наделает беды.

На дворе был трескучий мороз.

Унесу завтра... Нет, сейчас. Она же может каждую минуту взорваться.

Надел туфли, накинул шинель, взял гранату и вынес. Хотел ее закопать, но земля была как камень – промерзла. Положил гранату в канаву и закрыл ее мусором. Быстро вернулся в теплую хату.

На следующий день пошел дежурить на наблюдательный пункт. Приходит мой денщик с обедом.

– Послушай, Петр, только позавчера дал тебе новую гимнастерку, и она уже разорвана.

Это от австрийской гранаты. Разорвало осколком. Что ты рассказываешь. Австрийцы сегодня не стреляли. Нет. Дети нашли давешнюю гранату и стали с ней играть. Я как раз шел около хаты, когда фаната у них лопнула и трех убила. Двоих у нашего хозяина.

Когда он ушел, я подумал: «Наверное, моя граната».

Так оно и оказалось.

Брат уехал в отпуск в Москву.

Большевики захватили власть в октябре. Но до нашего отдаленного фронта их власть дошла в ноябре, и то постепенно. Я очень волновался за брата. Наверняка он участвовал в боях в Москве, Известий не было. Наконец явился его денщик. Брат был ранен в боях в Москве в ногу. Денщик приехал за его вещами и привез мне расписки, чтобы я получил жалованье брата.

Метель

По окончании училища я получил прекрасное седло и старался как можно чаще ездить верхом. Часто ездил к зубному врачу, в штаб, в 3-ю батарею, где познакомился с офицерами, между ними с поручиком Абрамовым, но тогда я его не запомнил.

Раз мне пришлось ехать на санях на паре дивизионных лошадей в штаб Перекопского полка, чтобы получить жалованье брата. Мы, солдат-кучер и я, выехали очень рано. Дорога была очень хорошая, снегу немного. Но нам пришлось проехать верст шестьдесят, пока мы отыскивали штаб полка. Как водится, никто точно не знал, где он находится. Получив деньги, мы поехали обратно, и, когда достигли Петничан, стало темнеть. Офицеры штаба предложили мне переночевать у них, но я их мало знал, и мне казалось, что мы легко проедем двенадцать верст, оставшихся до Бурты. И мы поехали.

Пока ехали оврагом, все шло хорошо, но когда выехали в степь, стало совсем темно и поднялась метель. Вдоль дороги шли жерди с телефонной проволокой. Но в темноте их было плохо видно. Доехали до большого стога соломы, взяли направление на Бурту. Но вскоре жерди исчезли, и мы снова приехали к стогу. Опять взяли направление и... опять приехали к стогу.

– Что за черт! Видно, леший нас крутит.

Взяли опять направление и старались не поворачивать влево. Но вскоре все исчезло в метели – и направление, и дорога, и жерди. Даже по ветру нельзя было ориентироваться. То он дул в лицо, то в спину. Лошади выбились из сил и стали останавливаться. Теперь я был бы рад вернуться к стогу – зарывшись в солому, можно было бы провести ночь. Мой возница стал хныкать и причитать, что мы погибнем тут, замерзнем. Я был в растерянности и молчал.

Вдруг мы на что-то наткнулись. Это был окоп и даже со спуском для лошадей. Я решил тут и заночевать. Лошадей распрягли, завели вниз и загородили выход санями. Я ошупью собрал немного соломы, забрался в угол, снял шинель и в нее закутался. Несмотря на холод, я заснул.

Когда я проснулся, сияло солнце, в двадцати сажнях от нас было шоссе, которое мы так искали вчера. А в версте была Бурта. Я разбудил солдата, предоставил ему запрячь лошадей, а сам бегом побежал в Бурту, в свою теплую хату, где с наслаждением напился чаю. Водки я еще не пил.

Первые меры большевиков

Армия постепенно разваливалась. Сперва наступил а тишина, а затем братания. Большевики надеялись таким образом достигнуть мира. Это было на руку австрийцам – они могли использовать резервы в другом месте. Было странное состояние: не мир и не война.

Одной из первых мер комитетов солдат было отобрание денщиков у офицеров. Мой денщик вовсе не хотел возвращаться на службу в батарею, и я не был намерен его отсылать. Тогда я отправил его в отпуск и поручил ему отвезти домой все мои многочисленные вещи и седло. Затем я позволил ему не возвращаться в батарею, а ехать в свою деревню. Он честно отвез мои вещи домой. Ведь ничего не мешало ему их у меня украсть, но между денщиками и офицерами возникала дружба, и они по большей части были верны.

Исчезновение моего денщика не понравилось комитетам.

Мой хозяин взялся за умеренную плату топить печку, мести хату и стирать мое белье. Я предвидел, что рано или поздно мне придется покинуть фронт, и поэтому я оставил у себя только один чемодан и походную постель.

Бегство с фронта

Вернувшись утром с наблюдательного пункта, я разулся и лег на кровать. Вошел унтер-офицер дивизиона, прибывший из Петничан, где находился обоз дивизиона. В Бурте были я, три разведчика для посылок и кучер с парой лошадей. Все остальные люди и лошади дивизиона находились в тылу в двенадцати верстах. Унтер-офицер довольно небрежно поздоровался и остался стоять у двери. Я спросил, какие новости в обозе. Он сказал о людях и лошадях обоза и, приняв независимую позу, сообщил о происшедших выборах начальников – последней моде большевиков. Большинство старых офицеров было выбрано на их старые посты, но не молодые офицеры.

– Вам тоже придется оставить эту квартиру. Новый адъютант дивизиона уже выбран.

– Кто это?

– Я.

Я бросился к своему револьверу, который висел на поясе над кроватью. Револьвера не было. Мой жест, видимо, предвидели и его украли заранее. Но шашка была. Я ее выхватил из ножен. Унтер-офицер мигом скрылся. Я старался попасть голыми ногами в туфли, но при моем возбуждении попал только в одну. Так с одной босой ногой бросился за унтер-офицером.

Улица была пуста. Я побежал в хату к разведчикам. Был снег и мороз, но я ничего не чувствовал. Я вихрем ворвался в дом. Солдаты стояли с карабинами в руках на изготовку. Я не

обратил на них никакого внимания, отстранил рукой карабины и пошел заглянуть за большую печь. Там никого не было (к счастью, думаю я теперь).

Дрожа от возбуждения, я повернулся к солдатам. Их карабины, направленные вначале против меня, тихо, едва заметно опускались. Приклады коснулись пола, и солдаты оказались в положении «смирно». Но я отдал себе отчет в этом только после. В тот момент я был слишком взволнован. Прерывающимся голосом я сказал:

Унтер-офицер объявил... что он выбран... Я же вам говорю... что ничего не изменится... пока я здесь... Поняли?

– Так точно, господин прапорщик. В это время я опустил глаза и с удивлением увидел в своей руке обнаженную шашку и мою голую ногу. Это меня смутило, и я, ничего больше не прибавив, ушел к себе. На этот раз было очень холодно и даже больно идти по снегу босой ногой.

Я пошел доложить о происшедшем капитану Коленковскому. Он внимательно меня выслушал.

– Как ваш начальник я вас не одобряю, – потом, помолчав: – Но, вероятно, я поступил бы так же, будь я на вашем месте и в вашем возрасте, – опять помолчал. – Постараемся обратить это в шутку, потому что я боюсь, что будут последствия.

Несмотря на возбуждение, усталость взяла свое, и, вернувшись к себе, я заснул. Разбудил меня телефон. Я услышал свое имя. В то время телефоны не выключались. Можно было слышать все разговоры. Я взял трубку, замер и слушал. Потому что голос моего унтер-офицера говорил:

Товарищ комиссар, прошу вас арестовать прапорщика Мамонтова. Что он сделал, ваш прапорщик? Он противился выборам начальников и гнал за мной с шашкой наголо. Ну так арестуйте его. Хм... Я предпочел бы, чтобы вы это сделали. Я сомневаюсь, чтобы наши солдаты исполнили мое приказание. Трудно ведь арестовывать своего офицера. Вы же знаете... Хорошо, товарищ, я пошлю в Бурту двенадцать конных. Надеюсь, этого достаточно?

– Конечно, вполне. Прощайте, товарищ.

Разговор был окончен.

Я пошел к Коленковскому и застал его одного.

– Вам повезло. Вы предупреждены. Конные прибудут сюда через два часа. Нужно, чтобы вы исчезли до их появления. Напишите себе отпуск и приложите печать дивизиона. Я подпишу за командира, вы поставите какую-нибудь подпись за комиссара. Вероятно, вашим солдатам поручено за вами следить. Пошлите их поодиночке как можно дальше с очень важными посланиями (три креста). Затем пошлите кучера ковать лошадей. Когда вы убедитесь, что они действительно уехали, попросите хозяина хаты запрячь своих лошадей, взять ваш чемодан, покрыть его соломой и ждать вас на повороте. Вы к нему придете, делая вид, что гуляете, сделав большой крюк. Уезжайте в Каменец-Подольский и дальше в Москву. Не нужно говорить ничего другим офицерам, я им потом расскажу. Идите и не теряйте времени. И Бог вам в помощь.

Все произошло, как он сказал. Я договорился с хозяином, бросил свою шашку в колодец, надел шинель внакидку и, посвистывая и помахивая прутиком, пошел в другую сторону. Отойдя от деревни, я посмотрел, не следят ли за мной. На улице стояли солдаты и смотрели в мою сторону. Тогда я стал бросать снежки. Это невинное занятие, видимо, их успокоило, они вошли в дома.

Я продолжал прогулку. Дойдя до кургана, я обернулся – улица была пуста. Тогда, скрываясь за курганом, я изменил направление и пошел к шоссе, где меня ждал хозяин. Я сел в сани, и он погнал лошадей.

В Каменце-Подольском

Попав в Каменец, в двадцати пяти верстах от Бурты, я себя почувствовал в безопасности. Конечно, конные не станут за мной гнаться, а унтер-офицер будет рад от меня избавиться.

Оставалось доехать до Москвы, а это было непросто. Армия демобилизовалась без всякого плана, простым дезертирством. Толпы вооруженных людей дезорганизовали транспорт. Поезда из теплушек ходили редко, без всякого расписания. Их брали штурмом на каждой станции. Громадные толпы озверелых солдат легко поддавались демагогической пропаганде большевиков. Офицеров убивали, выбрасывали на ходу из вагонов. Особенно были страшны пересадки на узловых станциях. Тут шумела солдатня. Влезть в поезд было почти невыносимо. Люди ждали по неделям.

Только что я поместился в комнате гостиницы, в дверь постучали. Вошел улыбающийся еврей.

Здравствуйте, господин офицер, как вы поживаете? Не нужно ли вам чего-нибудь? Я могу достать вам все, что вы хотите.

– Спасибо, мне ничего не нужно.

– Не говорите этого. Наверное, вам что-нибудь нужно. Девочку? Паспорт? Оружие? Штатский костюм? Нет? Ну отдыхайте. Я зайду завтра.

Он пришел на следующий день.

Здравствуйте, господин офицер, чем могу служить? Вы говорили об оружии. Я хотел бы купить револьвер. В добрый час. Доверьтесь мне. Вам лучше не выходить на улицу. Город полон солдат, которые пристают к офицерам. Вы мне скажите, что вам нужно, и я принесу вам сюда... Значит, револьвер. Какой системы? Патроны?

Он продал мне револьвер, хлеба, колбасы, сала, муки. Доставил меня и мой чемодан на вокзал, втиснул в переполненный вагон. У него всюду были связи и свои люди.

Вот, – сказал он улыбаясь, – а вы говорили, что ни в чем не нуждаетесь. Я был не прав. Без вас я едва ли смог бы уехать. Спасибо вам.

– Счастливого пути.

В Москву

Ночью поезд пришел в Шепетовку, узловую станцию. Дальше он не шел. Я вылез из вагона, не зная, что мне делать. Вдали вокзал шумел от массы народа. Проходил железнодорожный служащий.

– Скажите, как я мог бы добраться до Москвы?

– Вам везет. Вот этот состав идет прямо в Москву и вскоре отойдет... Не ходите на вокзал, там полно солдатни.

Я влез в темную теплушку. Нары были заняты, но место было. Я сел на доску-скамью перед печкой, спиной к двери. Действительно, поезд вскоре тронулся. Через карман шинели, который я прорезал, я положил руку на револьвер в кармане штанов и заснул в сидячем положении.

Когда я проснулся, был день. Я приоткрыл глаза и тотчас же их опять закрыл, деля вид, что сплю. Нащупал револьвер в кармане. Только бы он не зацепился, когда буду его вытаскивать! Вокруг меня стояли солдаты и возбужденно обсуждали мою персону.

– Конечно, это офицер. Посмотрите на кожаный чемодан и штаны с кантом.

А я-то думал, что, сняв погоны, кокарду и шпоры, я сделался неузнаваемым.

Голоса становились все возбужденнее. Я подумал: «Дверь приоткрыта, и поезд идет, видимо, медленно. Если до того дойдет, то я стреляю и выпрыгиваю из поезда. Главное, чтобы курок не зацепился».

Но был один голос примиряющий.

– Вы же видите, что он артиллерист (черные петлицы). Артиллеристы все походят на офицеров... Чего вы к нему пристали? Подумали бы лучше об украинцах, которые грабят поезда, идущие в Москву, под предлогом, что ищут оружие.

Это отвлекло от меня внимание, и все стали горячо обсуждать украинский вопрос. Постепенно страсти как будто улеглись, и я счел возможным проснуться.

Чтобы не участвовать в разговорах и не выдать моим выговором своего буржуазного происхождения, я сел в раскрытых дверях товарного вагона, ноги наружу. Какой-то солдат оперся о притолоку надо мной. Он сделал несколько общих замечаний о погоде и вдруг тихо спросил:

– Вы офицер?

Я на него посмотрел, секунду поколебался. – Да.

– Я тоже. Но вы плохо замаскировались. Не выходите из вагона. Они постепенно к вам привыкнут. Если вам что-нибудь понадобится, вон в углу, тот, который на нас смотрит, это мой денщик, обращайтесь к нему, но не ко мне. Я больше с вами говорить не буду. – И он ушел и лег на нары.

«А, – подумал я, – у меня тут есть союзники. Это утешительно. Значит, это он отвлек от меня внимание солдат».

Вскоре все же закамуфлированный офицер перешел в другой вагон. Вероятно, испугался своей откровенности.

Путешествие до Москвы длилось одиннадцать дней и было сплошным кошмаром. На каждой станции я боялся, что влезут новые и опять пойдут разговоры об офицерах. Население вагона объединяло стремление не пускать новых. Понемногу ко мне привыкли. У меня были с собой хлеб и колбаса, но воды не было, а ходить на станциях к водопроводу я боялся.

Раз как-то один солдат предложил мне чаю.

– Нет, спасибо.

– Чего нет? Возьми. Я же вижу, что у тебя нечего пить. Сегодня утром ты ел снег. Возьми и пей.

Я взял и выпил с наслаждением, потому что действительно страдал от жажды. Поезд подходил к какой-то большой станции. Тогда, чтобы не пускать новых, приоткрывали дверь, и все толпились у входа. Создавалось впечатление, что вагон полон до отказа. Громадная толпа ожидала поезд. Наши ругались, толкались, но никого не впускали.

Один матрос, свирепого вида и до зубов вооруженный, рассердился, что его не впустили. Он крикнул толпе вокруг него на перроне:

– Товарищи, отойдите маленько. Я дам подарок этим сволочам, которые нас в вагон не впускают!

И он стал отстегивать ручную гранату от пояса. Толпа отхлынула, защитники двери также бросились внутрь вагона, оставив дверь открытой.

Я кинулся к двери, захлопнул ее и, держа затвор, крикнул:

– Закройте люки!

Оба верхние люка, выходящие на платформу, были моментально закрыты. Наступило гробовое молчание в ожидании взрыва.

Поезд тронулся и стал набирать скорость. Взрыва не было.

– Вот, – сказал чей-то голос в темноте. – Вы все говорите – офицер да офицер... А он нас спас. Иногда и офицер бывает нужен.

Правильно. Не захлопни он двери, этот выродок непременно бросил бы гранату. Матросы, как звери, они не задумываются перед преступлением.

С этих пор меня признали. Угощали едой и чаем и не упоминали больше об офицерах. Наконец Москва. Поезд пришел в два часа ночи. Двое солдат отнесли мой чемодан до извозчика. Мы пожали друг другу руки и пожелали счастья.

– Мы сейчас поняли, что вы офицер. В соседнем вагоне выкинули офицера на ходу. Но мы не такие. Мы хорошо с вами обращались. Ведь не все офицеры плохие, есть и хорошие.

Я всего пробыл на фронте пять с половиной месяцев, но какое ни с чем не сравнимое чувство приехать домой!

Была ночь, улицы пусты. Но казалось, что каждый дом, каждое дерево меня приветствовали. Вот и наш дом. Поднимаюсь в лифте на четвертый этаж. Дверь нашей квартиры приоткрыта и горит свет. Мать стоит на пороге.

– Я чувствовала, что это ты.

Вспоминая мое бегство с фронта, я просто удивляюсь стечению благоприятных обстоятельств. У меня одно объяснение – молитвы матери.

Был февраль 1918 года. День своего двадцатилетия я провел в вагоне.

Москва

Приезд домой

Несмотря на одиннадцать дней пути в теплушке, не раздеваясь, где можно было спать только сидя и все время надо было быть начеку, прибыв ночью домой, я почувствовал такую радость и возбуждение, что спать не хотел.

Мы вскипятили чай и поджарили привезенные мною хлеб и сало.

Особенно меня интересовало ранение старшего брата.

Расскажи, как это было? Очень просто. Митя Тучков, который тоже был в отпуску в октябре 1917 года, пришел к нам: Пойдем? Пойдем.

Мы стали звонить к нашим родственникам и знакомым офицерам. Но все пустились в отговорки. Оказались трусливой дрянью. Нужно было их припугнуть, а не уговаривать. Так мы и пошли вдвоем в Александровское военное училище на Арбатской площади. Там были юнкера, вольноопределяющиеся и студенты. Около трехсот офицеров. Всего тысяча с небольшим бойцов. Может быть, были другие группы в других частях Москвы, но общее число офицеров не превышало семисот. А в Москве их были тысячи. Они не исполнили своего долга и за это жестоко поплатились. Со стороны красных были солдаты запасных полков и рабочие. Жители и крестьяне не участвовали.

Настоящих боев не было, были перестрелки и столкновения. Мы заняли Кремль. Пошли обедать к Николай Федоровичу, жившему против Кремля, а ночевали в Александровском училище.

Вечером следующего дня искали добровольцев, чтобы проехать на телефонную станцию, занятую нашими, но окруженную красными. Командовал Тучков. Поздно вечером мы отправились на машине, пять офицеров. С потушенными огнями нам удалось проехать несколько красных застав. Но на одном перекрестке мы попали под сильный ружейный огонь. Мотор заглох, морской офицер, управлявший машиной, был убит, у меня была прострелена коленка. Остальные выскочили и могли скрыться.

Я выбрался из машины и ковылял, ища, где бы спрятаться. Но все двери и ворота были заперты. Подходила группа красных. Я встал в нишу, но они меня заметили.

– Руки вверх!

Я сунул руки в карманы, забрал в горсти все патроны и, поднимая руки, положил патроны на подоконник, моля Бога, чтобы они не упали. Они не упали. Красные меня обыскали.

Ага, револьвер! Ну конечно, – сказал я возможно спокойнее. – Я же офицер, прибыл в отпуск с фронта. Револьвер есть часть формы.

Это их как будто убедило, но они взяли револьвер. Подошла другая группа.

– Офицер? Да чего вы с ним разговариваете!

Один солдат бросился на меня со штыком. Каким-то образом мне удалось отбить рукой штык и он сломался о гранит дома. Это их озадачило.

Что ты тут делаешь? Я возвращался домой, когда поднялась стрельба, и я был ранен шальной пулей. – Я откинул полу шинели. Кто-то чиркнул спичкой. Было много крови. Ответьте меня в лазарет.

Они заколебались, но все же один помог мне идти. К счастью, поблизости был лазарет. Меня положили на носилки, и солдаты ушли. Но другая толпа появилась на их место.

– Где тут офицер?

Доктор решительно воспротивился.

– Товарищи, уйдите. Вы мне мешаете работать. Несмотря на их возбуждение, ему удалось их выпроводить. Доктор подошел ко мне.

– Они вернутся, и я не смогу вас защитить. Идите в эту дверь, спуститесь во двор и дайте эту записку шоферу. Поспешите, уходите.

Нога опухла, и я почти уже не мог ходить, в голове мутилось. Я собрал все силы и побрел. Самое трудное была лестница. Я чуть не потерял сознания. Во дворе стоял грузовик Красного Креста. Я протянул шоферу записку. Он не стал меня расспрашивать и помог влезть.

– Куда вас отвезти?

Я дал адрес хирургической лечебницы моей бабушки, на Никитской, и потерял сознание. По временам я приходил в себя. Мы пересекли несколько фронтов. То это были белые, то красные. Все нас останавливали. Шофер говорил:

– Везу тяжело раненного.

Люди влезали в грузовик, зажигали спички, и, так как было много крови, нас пропускали.

Наконец в лечебнице. Меня отнесли в операционную. Бабушка сказала доктору Александру:

– Делайте что хотите, но сохраните ему ногу.

И вот, видишь, я едва хромаю.

* * *

Положение бывших офицеров было неопределенно. Как бы вне закона. Но мы были молоды и беззаботны. В театрах все офицеры были в погонах, несмотря на угрозу расстрела. Ухаживали и веселились. Я вернулся в Путьский институт и сдал экзамены первого курса, кроме интегрального исчисления. Легко давалась мне начертательная геометрия и трудно химия.

Вино

Жизнь в Москве в 1918 году была странная. С одной стороны, ели воблу, а с другой – легко тратили большие деньги, так как чувствовали, что все пропало. Большевицкая власть еще не вполне установилась. Никто не был уверен в завтрашнем дне.

Характерный пример. Вышел декрет: за хранение спиртных напитков – расстрел. Тут многие москвичи вспомнили о своих погребах. В начале войны, в 1914 году алкоголь был запрещен, и они из патриотизма замуровали входы в винные подвалы. И даже не помнили, что там у них есть.

Отец и еще трое составили компанию, которая покупала такие подвалы «втемную». Заранее тянули на узелки – одному попадали редчайшие вина, другому испорченная сельтерская вода.

Каменщик проламывал дверь, возчики быстро грузили вино на подводы и покрывали бутылки соломой, и все моментально увозилось. И каменщик и возчики получали за работу вино и очень это ценили. Работали быстро и молча.

Отец привозил свою часть на квартиру Федора Николаевича Мамонтова, бутылок двести. Внимательно осматривал и отбирал бутылок двадцать. Потом звал повара и заказывал шикарный ужин по вину.

Я как-то присутствовал при этом и ушам своим не верил.

– К этому вину нужен рокфор, а к этому – оленье седло с шампиньонами... Патэ де фруа гра непременно с трюфелями. Конечно, кофе... – и в этом роде.

Это когда кругом голодали и достать ничего нельзя было. Но за вино все доставалось. Повар без удивления записывал и забирал все остальное вино как валюту.

Отец служил в коннозаводстве и хорошо зарабатывал. Он приглашал четыре-пять человек знатоков и потом, чтобы вино исчезло (мог ведь быть донос), человека четыре молодых. Мы с братом всегда фигурировали. Нас называли «помойкой», и наша обязанность была после ужина вылакать все вино. Не выливать же его в помойку. Стол был прекрасно накрыт, со многими стаканами у каждого прибора. Отец предупреждал нас вначале не пить, а пригубливать, чтобы не потерять вкус.

– Обратите внимание, – говорил отец, – это настоящий бенедектин, сделанный еще в монастыре, а не на фабрике. Уника... А это столетний коньяк, такого вам уже в жизни пить не придется... А вот бургундское, Шамбертен. Про него Дюма писал, что д'Артаньян пил его с ветчиной. Ничего Дюма в вине не смыслил. Вот для него и создали патэ де фруа гра с трюфелями – попробуйте.

Сам отец ничего не пил, у него были больные почки... Но вино знал, значит, раньше много пил, иначе как бы он узнал? По окончании ужина отец командовал:

– Ну помойка, вали!

И мы дули вино стаканами.

– Эх, – сказал кто-то из старших. – Этот Шамбертен нужно бы пить на коленях, а они его лакают стаканами. Дикие времена.

Оставались одни пустые бутылки, и их уносили. Действительно времена были дикие. Пир во время чумы.

Регистрация

Нас, конечно, тянуло на Дон, но нужно было преодолеть инерцию. Этому помогли сами большевики, объявив регистрацию офицеров.

Те, кто не явится на регистрацию, будут считаться врагами народа, а те, кто явится, будут арестованы. Трудный выбор, как у богатыря на распутье.

Регистрация происходила в бывшем Алексеевском военном училище в Лефортове. Мы отправились посмотреть, что будет.

На необъятном поле была громадная толпа. Очередь в восемь рядов тянулась на версту. Люди теснились к воротам Училища, как бараны на заклание. Спорили из-за мест. Говорили, что здесь 56 000 офицеров, и, судя по тому, что я видел, это возможно. И надо сказать, что из этой громадной армии только 700 человек приняли участие в боях в октябре 1917 года. Если бы все явились, то все бы разнесли и никакой революции не было. Досадно было смотреть на сборище этих трусов. Они-то и попали в Гулаги и на Лубянку. Пусть не жалуется.

У нас здесь было много знакомых. Собрали совет. Что делать?

Во-первых, решили узнать, что творится на дворе Училища, обнесенного стеной. Поговорить с кем-нибудь побывавшим на допросе. Эта миссия выпала мне и Коле Гракову, который кончил это самое Училище. Мы обошли здание кругом и убедились, что из него никто не выходит. В стене двора были пробоины от снарядов. Через одну из пробоин мы могли поговорить с офицером, находящимся внутри двора.

– Только не входите сюда, нас задерживают как пленных...

Красный юнкер, часовой, подошел.

Запрещено разговаривать с арестованными.

У него была симпатичная морда. Скажите, что делают с офицерами?

Он заколебался, оглянулся во все стороны и сказал:

– Чего вы, собственно, дожидаетесь? Оцепления? – И он быстро отошел.

Он сказал достаточно. Мы вернулись к брату и рассказали виденное и слышанное. Решили уйти, не являться. Но раньше посеять панику среди толпы, чтобы все разбежались.

Это было нетрудно сделать, потому что все пришли неохотно. Мы пошли вдоль рядов. Когда видели знакомого, а это случалось часто, то громко, чтобы все слышали, говорили:

– Уходите скорей. Мы обошли здание – никто не выходит. А сейчас будет оцепление.

Люди заволновались и стали выходить из рядов. Какой-то тип схватил меня за руку.

– Что вы рассказываете? Следуйте за мной.

Но я его очень неласково оттолкнул.

– Ах, гадина, красный шпион.

Окружающие надвинулись угрожающе и стали пинать его ногами в задницу. Тип предпочел скрыться.

Мы достигли своей цели, ряды расстроились, толпа заволновалась.

– Теперь давайте утекать сами.

Когда мы перешли мост, появились вооруженные матросы. При их виде толпа офицеров бросилась врассыпную. Мы пошли малыми улицами.

Офицеров объявили вне закона. Многие уехали на юг. Знакомые стали нас бояться.

На Украину

Мы убедились в полной неспособности разных организаций помочь нам уехать на юг. Даже сомневаюсь, были ли таковые организации, а если были, то не провокаторские ли? С ними еще чего доброго вляпаешься. Лучше просто рассчитывать на свои собственные силы. Однажды в коридоре брат мне сказал:

Поедем? Поедем. Когда? Сейчас. Чего тянуть? Хорошо, поедем.

Это было все.

Мать молча уложила наш общий очень маленький чемодан. Отец проводил на Брянский вокзал, дал денег, благословил. Мы расстались навсегда. Он умер от тифа в 1920 году.

Железнодорожник провел нас и посадил в товарный вагон. Поезд тронулся на юг в неизвестность.

На следующий день мы приехали на последнюю большевистскую станцию Зерново. Дальше была Украина, занятая немцами.

Нам повезло – в Зернове контроля не было. Я остался на станции, а брат пошел на рынок. Нашел крестьянина из Украины, который взялся нас довести за 100 рублей. Пока что он посоветовал выйти из местечка, лечь в пшеницу и дожидаться вечера и его прохода по дороге. Что мы и сделали.

Когда вечером крестьянин проехал, за ним следовала целая группа. На возу сидела его жена, сварливая баба, были мешочники, идущие за мукой, была семья буржуев и три немца военнопленных. Ирония судьбы – мы, русские офицеры, доверяли больше всего немцам, недавним врагам, потому что они явно бежали от большевиков. Мы немного говорили по-немецки. Мы долго шли за телегой крестьянина. Наступила лунная ночь.

В этой деревне находится первый пост большевиков.

Обошли деревню большой дугой. Шли еще час. Вот тут второй пост.

Обошли и его.

– В этой деревне, которую мы обходим, находится третий и последний пост. Это самый плохой, потому что он посылает патрули.

Уже в течение некоторого времени жена крестьянина была сердита. Она должна была уступить место на телеге отцу семейства и ребенку, которые не могли больше идти пешком. Муж не купил ей обновы. Она стала придирается к мужу высоким злым голосом. В тиши ночи голос ее разносился далеко, большевики могли услышать.

Да замолчи ты, ведьма! – зыкнул на нее отец семейства. – Накликаешь нам беды. Сам ты черт, – завопила баба.

– Если ты не замолчишь, я тебя зарежу.

Он вытащил перочинный нож.

Ах так? Ну ты увидишь, что будет. Караул! Караул! Режут! Что я могу сделать с сумасшедшей? – сказал испуганный крестьянин. – Бегите скорей, красные непременно явятся. По этой дороге направо, около оврага налево, потом возьмите вторую дорогу направо, и там граница недалече.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.